Л. В. КРЕСТОВА

А. И. ПЛЕЩЕЕВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ КАРАМЗИНА

Среди многих жизненных встреч одной из самых значительных была для Карамзина его долгая привязанность к Анастасии Ивановне Плещеевой. Карамзин познакомился с ее мужем, по-видимому, еще будучи учеником профессора Шадена. Сблизился же он с ним, когда окончательно перебрался, по совету И. П. Тургенева, в Москву (1785) и вошел в круг новиковской молодежи. Алексей Александрович Плещеев был богатым орловским помещиком,[1] секунд-майором в отставке. «Он был много старше Карамзина и относился к нему с вниманием и симпатией... Плещеев был поглощен службой в Московском казначействе и управлением своим поместьем».[2] Однако Плещеев не был лишен и литературных интересов. Так, вместе с ним Карамзин отправил в 1787 г. в цензуру книги: Карамзин — поэму Камоэнса с своим предисловием, Плещеев — «Рассмотрение натуры», судьба которой нам неизвестна.[3] Позднее, занимаясь «Историей государства Российского», Карамзин упоминал среди материалов о Годунове: «Моя летопись, писанная отцом Алексея Александровича ‹Плещеева›».[4]

---

[1] Об имущественном положении А. А. Плещеева отчасти свидетельствует следующая публикация в «Московских ведомостях» от 23 января 1775 г. № 7: «Подпоручика Александр Алексеева сына Плещеева каменный дом, состоящий в Белом городе, во 2 части на Тверской улице, в приходе Василия Неокесарийского, в коем о двух этажах палаты: в верхнем 14 покоев, в нижнем 6 жилых, 3 сени теплые, 3 кладовые, 2 погреба для вин, на дворе поварня с приспешною каменная, под ними выход, сарай на 4 кареты, ледник, житница для ссыпки хлеба, конюшня о 14 стойлах и место для ямских лошадей, желающим нанять о цене осведомиться в том же доме у служителя Михайлы Ветошкина».

[2] Верховская Н. Карамзин в Москве и Подмосковье. М., 1968, с. 25.

[3] См.: Смирнов С. Цензурная ведомость 1786—1788 годов. — В кн.: Осмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым. Книга первая. М., 1869, с. 499—500.

[4] Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, ч. I. СПб., 1862, с. 212.

Карамзин был частым посетителем дома Плещеевых, хорошо знал их детей.[5] С Анастасией Ивановной[6] у него сложились особые отношения.

А. И. была натура страстная, умела любить безгранично. В семейной жизни она вряд ли была счастлива. Об этом свидетельствует ее письмо А. М. Кутузову от 21 июня 1791 г.: «Божусь вам, что я боюсь сойти с ума: можно ли, что я всех так люблю много, а меня никто? Алексей Александрович любит меня, это правда, но не так, как я его. Его пасмурный вид меня сокрушает <...> Это правда, что он редкий супруг; то делает, что редкие могут сделать; но нет в нем той нежности, которую я имею <...> Это будто любовь!».[7]

В А. И. Плещеевой Карамзин нашел душевное созвучие; с ней он проводил дни в литературной работе и беседах. А. И. огорчалась из-за отъезда Карамзина за границу в 1789 г. и осуждала его врага. Им был, по-видимому, князь Г. И. Гагарин, порвавший в это время с масонами и доносивший Прозоровскому об участии Карамзина в кружке Новикова в «Дружеском обществе».

Плещеевой казалось, что по возвращении из-за рубежа (15 июля 1790 г.) у Карамзина потухло чувство к ней. Однако она была не права. Внешне это доказывает долговременное проживание Карамзина в доме Плещеевых в Москве и поместье Знаменском (Орловской губ.), а внутренне — нежное имя Аглаи, греческой богини красоты, которым называл он в своих ранних произведениях Анастасию Ивановну.

Так, «Райскую птичку» (1792) Карамзин заключает словами: «Любезная Аглая, я также не чувствую времени, когда внимаю твоему пению».[8] Предметы, подаренные Аглаей, становятся любимыми и дорогими Карамзину. В неоконченной повести «Лиодор» упоминается трость, с которой Карамзин путешествовал за рубежом.[9] Он вспоминал эту трость в «Письмах русского путешественника».[10]

Так, в отдельном издании «Писем» (1797), где имеется посвящение «семейству Плещеевых»: «К Вам писанное — Вам и посвящаю», — приобретают особое значение слова, несомненно обращенные к Анастасии Ивановне. Карамзин пишет из Лиона:

---

[5] См.: Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 347—349.

[6] Внешность А. И. Плещеевой теперь нам известна. Ее портрет «Дама в белом» хранится в фондах Государственного литературного музея; на обороте надпись: «Анастасия Ивановна Плещеева, рожд. Протасова». Портрет обнаружен и напечатан Н. Верховской в «Литературной России» от 18 июня 1971 г., № 25/441, с. 13.

[7] Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915, с. 130.

[8] Московский журнал, 1791, ч. III, с. 201.

[9] Там же, 1792, ч. V, с. 308.

[10] Там же, 1791, ч. III, с. 68 (запись от 20 июля 1789 г.); А. И. Плещеевой посвящена вторая книга альманаха «Аглая».

«Увидел фиалку и сорвал ее, но мне показалось, что она не так хорошо пахнет, как наши фиалки, — может быть оттого, что я не мог отдать сего цветочка любезнейшей из женщин и вернейшему из друзей моих».[11]

Имя Аглаи встречается и в других произведениях Карамзина. Так, в прозаическом этюде «Невинность» [12] Плещеева приняла образ «любезной Аглаи».

В 1792 г. Карамзин пишет поздравление Аглае с новым годом, называя ее «любезной и прекрасной». Здесь Карамзин свидетельствует: «сердца наши разумеют друг друга».[13]

В стихах «Любезной в день ее рождения» (1794) Карамзин писал:

В сей день тебя любовь на свет произвела,
Красою света быть, владеть людей сердцами;
Осыпала тебя приятностей цветами;
Сказала: будь мила!..
«Будь счастлива!» сказать богиня не могла.[14]

В. В. Сиповский, комментируя это стихотворение, указывал, что оно тоже посвящено А. И. Плещеевой.[15]

Если в посвящении первой книги «Аглаи» чувство Карамзина скрыто, то во второй книге (1794) оно вырывается наружу, насыщено тоской и печалью. «Исчезли призраки моей юности; угасли пламенные желания... Ничто не прельщает меня в свете. Чего искать? К чему стремиться?.. К новым горестям? Они сами найдут меня, и я без ропота буду лить новые слезы».[16] Единственное утешение среди событий на Западе и в России, которое дает Карамзину отраду, — это образ А. И. Плещеевой. Карамзин называет Плещееву «другом своего сердца, единственным бесценным». На первый взгляд кажется, что обращение это, как и раньше, говорит только о дружбе «нежной», «великодушной, святой», которая «составляет всю цену и счастье жизни». Но через строку он пишет об «утешении — любить», «любить и чувствовать, что мы любим». Это признание «мы любим», отнесенное к обоим, — прямое свидетельство взаимных чувств Н. М. Карамзина и А. И. Плещеевой.

Через год Карамзин пишет «Послание к женщинам» (1795), где вспоминает:

Десять лет тот день благословляю,
Когда тебя, мой друг, увидел в первый раз;
Гармония сердец соединила нас
В единый миг навек.[17]

---

[11] Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2 томах, т. 1. М.—Л., 1964, с. 360—361.
[12] Московский журнал, 1791, ч. II, с. 64—65.
[13] Там же, 1792, ч. V, с. 84.
[14] Карамзин Н. М. Соч., т. I. Пг., 1917, с. 86.
[15] Там же, с. 424.
[16] Аглая, 1795, ч. 2, с. 5.
[17] Карамзин Н. М. Соч., т. I, с. 149—150.

Кончается это стихотворение словами; «Он любил, Он нежной женщины нежнейшим другом был». На это послание Державин отозвался едкой эпиграммой «Другу женщин» (1796):

Замужней женщины прекрасной
Кто дружбу приобресть умел, —
Для толков, для молвы напрасной
Тот лучше бы стихи ей в честь не плел.[18]

Но свои посвящения А. И. Плещеевой Карамзин повторяет и позднее. В 1796 г. он переводит повесть г-жи де Сталь «Зюльма», исполненную романтических страстей и подражающую в основном роману Ж.-Ж. Руссо. Это одно из ее ранних произведений, предназначавшееся для главы «О любви» трактата «De l'influence des passions». Герой произведения нарисован бледно и слабо, зато в героине, по словам Карамзина, «дана живая картина страсти! Одна чувствительная женщина может писать такими красками». «Зюльма» (в переводе Карамзина — «Мелина») напечатана с надписью: «Настасье Ивановне Плещеевой в знак дружбы и почтения от переводчика», далее приписано: «Госпожа Сталь есть автор Мелины: я осмелился быть ее переводчиком».[19]

Рассказ вложен в уста молодого человека, типичного героя конца XVIII в. Он пленник «диких», живущих на берегу Ориноко, и «выучился языку их». Однажды он присутствует на суде, который судит убийцу, молодую женщину. В приподнятом романтическом стиле ведет Мелина (Зюльма) рассказ о своем преступлении — убийстве своего возлюбленного Фернанда.

В юности Фернанд был пленником «гишпанского генерала»: он учился среди «просвещенных народов», но гордая душа его, родившаяся в стране, где нет «законного различия состояний», не могла привыкнуть к «европейским уставам». Фернанд возвратился на родину, чтобы «жить с натурою, в спасительной простоте ее, в невинности нравов», занимался охотой. Постепенно он завоевал уважение народа. Стал «героем», предводителем войска. Мелина, увидев Фернанда, плеснулась им. Тот просвещал ее, обучал наукам, хотел управлять ее мыслями, чувствами, мнениями. «Рассудок мысли» Мелины сделался творением Фернанда. Он стал «связию ее идей».

Мелина боялась возникшего в ней чувства. «Страсть огненная, сильнейшая овладела ее сердцем». Она чувствовала возможность такого счастья, «которое опровергает все жалобы на несовершенство человеческое». Если сердце может насладиться таким блаженством, «то для чего же страшиться любви». Фернанд клялся

---

[18] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. III. СПб., 1870, с. 281.

[19] Карамзин Н. М. Мелина. Перевод с французского. М., 1796. — Об изданиях этой повести см.: Заборов П. Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века. — В кн.: Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 169—172.

вечно любить Мелину. В свою очередь Мелина требовала от него только одной клятвы: «Когда почувствуешь, что твоя душа готова отстать от моей души, умертви меня». Свое страстное чувство она подтвердила целым рядом поступков: она спасла мать Фернанда от «ярости волн», защитила Фернанда от гнева народа, обвинившего его в измене и приговорившего к смерти. Обманув всех, Мелина спасла юношу. Они бежали и целый год скитались в «бесплодных пустынях, среди страшных утесов», «песков горящих». Их томил голод и мучила жажда. Но Фернанд был «окружен нежностью и любовию женщины». В конце концов невиновность Фернанда открылась. Он стал снова начальствовать над войсками. Однажды разнесся слух, что Фернанд погиб в сражении. Мелина идет на его поиски. Страшная скорбь охватывает ее. Она падает от слабости — как вдруг является Фернанд. При виде его Мелина чувствует «бесконечность нравственного бытия». «Душа ее едва могла перенести свое блаженство». Но Фернанд был ранен отравленной стрелой, для его спасения надо было высосать из раны «ужасный яд». На это решилась Мелина, «сама борясь со смертью». Выздоровев, Фернанд покинул ее на несколько дней, а потом возвратился. Мелина идет ему навстречу — и вдруг... видит Фернанда в объятиях юной Мирзы. «Тут глаза Мелины помрачились... Она не имела времени думать, схватила лук, пустила смертоносную стрелу, и Фернанд упал. Она лишилась чувств».

Народ, который выслушал исповедь Мелины, «зашумел», старцы-судьи, тронутые рассказом, вынесли ей и ее родным, обреченным на изгнание, оправдательный приговор, но сама Мелина не может забыть Фернанда, не может простить своего поступка. «Никакое судилище, никакой народ, ни самое небо не может судить меня с Фернандом, — восклицает она. — Любовь выше законов, выше людских мнений, она истина, пламя, небесная стихия, первая идея нравственного мира». Мелина ранит себя в сердце и умирает, падая у ног матери Фернанда.

Выбор повести г-жи де Сталь для перевода не был случаен. В ней Карамзина привлекла романтическая напряженность страстей. В позднее написанном предисловии к этой повести г-жа де Сталь заявляла: «Для того, чтобы описать любовь, я хотела показать картину горя самого ужасного и характер самый страстный. Когда горе бывает бесповоротным (безвозвратным), тогда душа находит какое-то хладнокровие, которое позволяет думать, не переставая страдать. Вот в таком состоянии страсть должна стать самой выразительной. Я пыталась поставить в такое положение Зюльму. Это писание более всех других близко моей душе».[20]

Оно было близко и Карамзину. В переводе он не только воспроизвел зарождение и развитие глубокого чувства Мелины, ее

[20] Oeuvres complètes de madame la Baronne Staël-Holstein, t. I. Paris, 1821 Avant-propos, p. 101.

самопожертвование ради Фернанда, трагический, горестный исход этой любви. Он также внес в стиль произведения дополнительную лирическую тональность, напоминающую нежность его прежних обращений к Плещеевой-Аглае.[21] Возможно, что Мелина, способная доходить до предела страсти и горя, напомнила ему А. И. Плещееву.

Следует принять во внимание также и те жизненные обстоятельства, которые приходилось переживать Н. М. Карамзину в последние годы царствования Екатерины II. Это было тяжелое и трудное время. Ходили слухи, рассеянные «злостью и глупостью», что Карамзин сослан. Его биограф М. П. Погодин писал: «Нет сомнения, что они (эти слухи, — *Л. К.*) имели основанием какие-нибудь действительные причины».[22] Карамзин «прощается с литературой». Он стал лишь переводчиком, удалился из Москвы в деревню к А. А. Плещееву.

«Слабое здоровье милой Настасьи Ивановны и вообще грустные их обстоятельства удерживают меня здесь, — писал он брату, — сердечная моя привязанность к их дому не позволяет мне жалеть об удовольствиях московской рассеянной жизни».[23] Внимание Карамзина занимает теперь тяжелое материальное положение семьи Плещеевых, которой он всячески помогает. Писатель решает отдать Плещеевым деньги, вырученные от продажи имения, и сообщает брату: «Я, получив от вас деньги, по долгу сердечной дружбы, обязан отдать их Алексею Александровичу, который имеет в них нужду. Странно бы было для всех, знающих связь мою с его домом, если бы я поступил иначе».[24]

Долголетняя дружба с этой семьей и отношения Карамзина с Анастасией Ивановной Плещеевой — все это представляет несомненный интерес для изучения биографии писателя.

---

[21] Ср. тексты г-жи де Сталь и Карамзина: «femme respectable» — «нежная душа» (с. 13); «par le charme de sa reconnaissance» — «нежные уверения» (с. 34 и 38); «les courses les plus penibles» — «нежные примечания» (с. 35); «Le charme de sa reconnaissance» — «восхитив меня своею нежною признательностью» (с. 39); «Mes sollicitations ardentes» — «нежная просьба» (с. 47).

[22] Погодин М. П. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. I. М., 1866, с. 245.

[23] Там же, с. 253.

[24] Там же, с. 254.